

План церковной революции Булгакова:

*С.Н. Булгаков. О церковном соборе (1906)*¹

Телеграф принес довольно неожиданную весть, что церковный собор дело решенное. Трудно измерить все колоссальное значение этого известия. Оно значит, что жизнь и движение начнется там, где снаружи царила до сих пор казенщина, из-под безобразной оболочки «ведомства православного исповедания» выявится Христова церковь, станет возможна борьба за религиозную и церковную истину, которая ныне, по справедливому замечанию В.С. Соловьева, «находится на сохранении в крепком казенном сундуке за казенными печатями и под стражей надежных часовых». Исполняется заветная мечта лучших и искреннейших сынов православной церкви, — Хомякова, Бухарева, Аксаковых, Достоевского, Соловьева. Открывается возможность борьбы с «ведомством православного исповедания» за церковь, которую оно унизило, исказило, оболгало. Для верующего человека созыв церковного собора есть событие, не идущее в сравнение по своему значению ни с чем, ни с созывом государственной думы, ни с какими злобами дня и практическими задачами времени, событие универсально-историческое, мировое. Это в порядке мистическом. Но и в порядке историческом, для неверующего политика, учитывающего созыв церковного собора, как политический реальный фактор, имеет огромное значение. В сознании интеллигенции до сих пор не выяснилось достаточно, несмотря на все уроки жизни, какую силу черпает старый порядок в своей мнимой связи с христианской религией, в кощунственном догмате

1 Киевские Отклики. Киев. № 6. 6 (19) января 1906. С. 2. См. в этой же газете статью жены Булгакова об отзывах рабочих на пьесу М. Горького «На дне» и необходимости «серьезного» общедоступного театра: *Е. Булгакова. Отношение народа к театру* // Киевские Отклики. Киев. № 36. 28 декабря 1903. С. 2–3.

о неразрывности православия и самодержавия. Между тем в этом широко распространенном убеждении, которое коренится в злоупотреблениях «ведомства православного исповедания», внесшего уже в богослужение элементы явной политической пропаганды в пользу, конечно, старого строя, в чем последний черпает свою главную силу. Если эта мнимая связь будет открыто разорвана во имя Христовой истины авторитетным голосом церковного самосознания, которым ни в какой степени не является теперешний синод, но явится церковный собор, конечно, старый строй будет погребен навеки, исторгнут из самого сердца, из святого святых русского народа. В противном же случае — чего мы, однако, допустить не можем, — он получил бы новую несокрушимую на долгое ещё время опору и, кто знает, не эта ли именно маккиавелистическая надежда и руководит теми, кому вдруг дороги стали «канонические основы» церкви.

Но если так, если и здесь можно подозревать сатанинский умысел, то тем более настороже следует стоять тем, кому дело собора дорого, тем, кто в день правильно созванного собора от сердца скажет «ныне отпускаеши», ибо очи его видели спасение. Дело организации собора находится в руках старомодной бюрократической канцелярии, которая называется синодом, где живет дух «великого инквизитора», одного из злейших поработителей русской церкви. Опасность *подделки* собора велика, под именем собора можно собрать и съезд черных бюрократов, которые привыкли действовать по бюрократическому камертону. В общецерковном сознании выяснилось с совершенной бесспорностью, что собор должен состоять из представителей как белого и черного духовенства, так и мирян, и всякие ограничения здесь поведут к искажениям.

Освобождающейся церкви нужно будет, прежде всего, расправить отекшие от вековых оков члены и восстановить правильное устройство церкви и возвращение ей нормального для нее *соборного* строя. Далеко не всем известно, что принцип нормальной организации церкви есть самая подлинная и последовательная демократия, основанная на выборности решительно всех членов как клира, так и церковной администрации. Пыль веков и мрачная тень Победоносцева до такой степени заставили позабыть это апостольское начало, что теперь оно звучит, как мечта. Но оно остается *нормой* для оценки и в нем заключается решительное и бесповоротное осуждение существующего церковного строя, который должен быть устранен. Конечно, дело собора (или, точнее, соборов, ибо в нормально устроенной церкви соборы должны собираться по мере надобности) будет не только устройство внешних форм церковной жизни, но и обновление духа церкви. Ей придется сознательно церковно самоопределиться по отношению к современной жизни. Вопрос об отноше-

нии церкви и государства и об отделении церкви от государства, как единственно правильном его решении, вопрос об отношении церкви к общественности, к социальному движению наших дней, вопрос об отношении церкви к современной культуре, философии, искусству и разные другие вопросы религиозной метафизики потребуют своего разрешения. Это работа великая, требующая труда, энергии и сил, и к этой работе мы призываем всех сознательно относящихся к происходящему. Теперь по всей стране должна начаться обновленная церковная жизнь, создаться соответствующая литература, будут происходить соответственные собрания, чтобы в конце этого брожения могли окристаллизироваться определенные церковные мнения по разным вопросам, сейчас почти отсутствующие. Мы опасаемся, что собор может быть созван слишком рано и поспешно. Может быть, это даже входит в маккиавелистический план, но в таком случае даже и правильно со стороны состава собранный собор может оказаться подделкой. Срок его созыва должен быть определен не синодской канцелярией, но духовной готовностью его будущих членов. Мы боимся преднамеренной торопливости, ибо не видим к ней достаточных внутренних оснований, но хорошо понимаем выгодность этого для правительства.

Отмечу, наконец, что, раз в целях надлежащей подготовленности церковного собора необходимо устное и печатное обсуждение разных вопросов, то он не может осуществиться без предварительных свобод, свободы слова и собраний, которых мы сейчас лишены. При военном положении одинаково трудно готовиться как к выборам в государственную думу, так и к церковному собору. Последний не может быть созван ранее, чем упрочены будут за нами права человека и гражданина. А это значит, что церковный собор может быть созван не раньше и не одновременно с созывом народных представителей, но *после* него, т.е. после того, как они установят *habeas corpus*, как незыблемое право русских граждан. Ибо с правовой точки зрения церковная свобода есть один из элементов *habeas corpus* и не может существовать при всеобщем бесправии в полицейском государстве.